

Т.В. Доронина, Н.В. Францова

«Вечер»

«Вечер» Бунина — сонет. Состоит из двух четверостиший и двух трехстиший. В четверостишиях рифмовка перекрестная, рифма женская в нечетных строках, мужская — в четных. Примечательно, что строк в двух четверостишиях восемь, а рифмы только две: рифмуются 1-я, 5-я, 7-я строки (вспоминаем, сараем, краем, знаем) и, соответственно, 2-я, 4-я, 6-я, 8-я (оно, окно, давно, дано).

Первые строки трехстиший: рифмуются между собой, рифма женская (*села — опустело*); 2-я и 3-я строка каждого так же (*книг — миг, гуме — во мне*), здесь рифма мужская. Все рифмы точные. Тексту свойственна метрическая упорядоченность — это пятистопный ямб с пиррихией в каждой строке, кроме пятой, седьмой и последней и удлинёнными клаузулами в 1-й, 3-й, 5-й, 7-й, 9-й, 12-й стихах. В 12-й и 13-й строках одновременно и пиррихий и спондеев в первой стопе, происходит смещение ударения (синкопа) и превращение первой ямбической стопы этих строк в хореическую. «Четкость строга сонета» (по выражению Н. Рыленкова) характеризует не только форму данного произведения, но все компоненты содержания и изобразительные средства. Стихотворение посвящено одной из самых сложных этико-философских тем — теме счастья, но об этом предмете говорится предельно точно и ясно. Лирический герой не обнаруживает неопределенности или расплывчатости, своего чувства, конкретен и логичен в отображении хода мысли. Первая строка «О счастье мы всегда лишь вспоминаем» — отправная мысль. Затем следует описательный фрагмент, здесь возникают метафорические эпитеты (*чистый, льющийся воздух; бездонное небо; легкий край*), метафоры (*облако встает*).

Представшая взгляду картина рождает признание о том, что человек лишает себя полностью впечатлений и знаний даже об окружающих его вещах («Мы мало видим, знаем»), и приводит лирического героя к обобщающему суждению — «А счастье только знающим дано». Думается, именно эта строка заключает авторскую идею. Она созвучна не только расхожему афоризму «Хочешь быть счастливым — будь им!», но и утверждению писателя-философа Ф. Достоевского: «Человек несчастен потому, что не знает, что он счастлив».

После означенного вывода усиливается звучание лирического «Я», это выражается даже в неоднократном употреблении личного местоимения и глаголов 1-го лица (*Усталый взгляд я отвожусь; я вижу, слышу*). При внешней сдержанности субъективное переживание передано отчетливо: «Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне». Оно подтверждает идею: для «знающего» счастьем оборачивается раскрытое в осенний сад окно, слетевшая на подоконник птичка, опустевшее вечернее небо, мерный гул молотилки... — повседневное, прозаическое, которое не связано с усложненными представлениями о счастье.

Текст стихотворения удивительно органичен, что тоже отвечает свойствам сонета. Здесь нет словесной избыточности, напротив, продуманны и лаконичны своеобразные формулы: «...Счастье всюду», «Счастье только знающим дано».

Особенная выверенность, емкость, цельность, завершенность достигаются благодаря синтаксическим и интонационным решениям. Наиболее важные для поэта слова стоят в конце предложения (*всюду, облако, открыто, опустело*) или стихотворной строки (*вспоминаем, оно, давно, знаем, во мне*). В последнем случае логическая и ритмическая пауза совпадают, и заключительные слова обретают еще большую значительность.

Не раз возникают внутрискладовые паузы и переносы: *Встает, сияет, облако. Давно / Слежу за ним... Мы мало видим, знаем. Или; А счастье всюду. Может быть, оно / Вот этот сад осенний за сараем*. Это создает интонацию размышления, обозначает переход

от описания к размышлению. В первом случае присутствует еще и служащая той же цели фигура умолчания, пунктуационно отмеченная многоточием. В заключительном трехстишии умолчание прерывает ряд зрительных и слуховых ощущений лирического героя и подготавливает резюмирующую строку.